

На выставке в музее Алапаевского металлургического завода, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. В центре – Игорь Заложнев, справа – Николай Игнатов

Выставка

Забытая война

В музее истории Алапаевского металлургического завода завершилась выставка, посвященная 100-летию начала Первой мировой войны. Кажется, как давно все это было, а ведь на самом деле прошел всего один век. В России эта война за этот век превратилась в забытую и неизвестную. Настолько забытую и неизвестную, что когда сотрудники музея Николай Игнатов и Игорь Заложнев задумали сделать выставку о ней, обнаружилось, что выставлять, в общем-то, и нечего.

А ведь эту войну, когда она началась, в России называли и Великой, и даже Второй Отечественной.

Великой она до сих пор остается во всех странах, которые довели её до победного конца. Хотя отношение к ней разное.

В победном приказе от 12 ноября 1918 года главнокомандующего союзными армиями во Франции маршала Фоша – патетика и чувство исполненного долга: «Офицеры, унтер-офицеры и солдаты союзных армий! Вы упорно сдерживали неприятеля, долгие месяцы вы с неизменной энергией и решимостью атаковали его. Вы выиграли величайшую битву в истории, исполнили священный долг: спасли свободу всего мира. Вы вправе гордиться собой. Вы овеяли свои знамена неувядаемой славой. Потомки вам благодарны».

В книгах писателей «потерянного поколения», тех, кто сам кормил вшей в окопах и каждый день хоронил погибших товарищ – бессмысличество всего, что случилось в 1914 – 1918-м в Европе, боль напрасно загубленных жизней.

Как в «Смерти героя» Ричарда Олдингтона:

«Я думал

О несчетных могилах вокруг разрушенной Трои,

И о всех молодых и красивых, обратившихся в прах,

И о долгих терзаниях, и о том, как все это было напрасно...»

Но и те, и другие вставали, когда объявлялись две минуты молчания в День перемирия 11 ноября, которое было заключено в Компьенском лесу в 1918-м, или в День поминовения – в первое воскресенье после 11 ноября. И возлагали цветы к могиле Неизвестного Солдата под Триумфальной аркой в Париже или к Кенотафу на улице Уайтхолл в Лондоне.

В России Первая мировая сначала обернулась гражданской, не сама по

себе обернулась – сделали всё для такого её оборотничества, а потом – была проклята и забыта. Точнее, запомнена как проклятая и проклятая.

А между тем, будущий премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в 1932-м напишет в своем «Мировом кризисе»: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была видна. Она уже претерпела бурю, когда всё обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями...».

Споры об этой забытой и теперь с трудом припоминаемой войне идут в России до сих пор, и сегодня, может быть, ожесточеннее и не-примиримее, чем когда бы то ни было. Они разгорелись и сразу после открытия выставки в музее Алапаевского металлургического завода, под плакатами и открытками той далекой войны. Рядом с манифестом Императора Николая II о её начале от 20 июля 1914-го и его отречением от престола от 2 марта 1917-м, за полтора года до победы. Среди «Воспоминаний» министра иностранных дел России в 1914-м Сазонова, изданных в 1927-м в Париже, и граммпластионок, дошедших до наших дней из того времени. Около часов фирмы «Мозерь», отсчитывающих это время минута за минутой, час за часом и год за годом. Поодаль от журнала «Нива» из 1915-го, сообщающего, что 10 мая Италия объявила войну Германии, и уже белогвардейской газеты «Уральская жизнь» от 25 августа из так и не ставшего победным для России 1918-го...

Но самая притягательная экспозиция на выставке та, которая посвящена Алапаевску того времени и фронтовикам Великой войны – местным и пришлым, чья жизнь так или иначе оказалась связана с Алапаевским, связана тут или только коснулась краешком.

Вот они, вперемешку, на одной стене, как были тогда в окопах; история ещё не развела их по разные стороны баррикад, не раскрасила в красный и белый

цвет. Пока они все ещё вместе и рядом – будущий вожак алапаевского комсомола Алексей Серебряков и Василий Путилов из белогвардейской контрразведки, командиры красных отрядов Петр Рыжих, Иван Кушников, Сергей Павлов, Георгий Глухих и белогвардейские офицеры Иннокентий Смолин, Григорий Вержбицкий, Николай Казагранди, Александр Метелев...

А вот сам Алапаевск на кануне и в годы Первой мировой – заштатный городок в 1094 дворах, где жило 7,5 тысяч человек. С четырьмя начальными школами и одним трехклассным училищем, тремя церквами, четырьмя винодельческими и 16-ю питейными заведениями, двумя библиотеками и клубом-театром... Но главное – с металлургическим заводом.

В начале века тут были 3 доменные печи – 2 из них, правда, из-за недостатка рабочих в 1914-м были вынуты. Да и оборудование устарело: подача руды по наклонному мосту тарантаками на конной тяге, загрузка руды в печь ручная. Зато был модернизированный маркеновский цех с тремя маркеновскими печами, две из которых 25-тонные, современный листобойный цех – алапаевским кровельным железом крыли Зимний дворец в Санкт-Петербурге, открытый перед самой войной сутуночный цех, выдававший в сутки 200 тонн сутунки.

И ещё волочильная фабрика – выпускавшая ею колючая проволока шла на фронт, для заграждения.

Алапаевск живет и работает, как и все похожие на него городки Российской империи, на победу.

Как скажет потом Николай Игнатов, «нам хотелось, чтобы, увидев нашу выставку, каждый вспомнил что-то свое, связанное с этой войной и с нашим городом».

Что ж, задуманное удалось.

Прошлое связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекающих одно из другого.

И выставка о забытой Великой войне в музее Алапаевского металлургического завода – это, по-моему, попытка восстановить утраченные и соединить разорванные звенья этой цепи, чтобы, если дотронулся до одного конца цепи, тут же дрогнул и отозвался второй.

А не звучала в ответ тишина, как на дороге, вдоль которой...

О. ШАМРИЦКИЙ

Снимок В. Баякина